

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ДО

АДАМА СМИТА

Австрийский взгляд на историю

экономической мысли

Перевод с английского В. Зеленов
«Библиотечка австрийской экономической школы»
<http://www.zelenovbooks.com/>

Глава 1

1

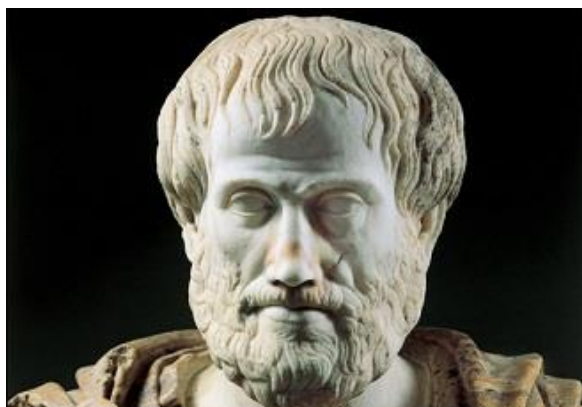
Первые философы-экономисты: греки

Как обычно, все началось с греков. Античные греки стали первым цивилизованным народом, применившим свой разум для систематического осмысления окружающего их мира. Греки были первыми философами (*philo sophia* — любители

3

мудрости), первым народом, который стал глубоко задумываться и осмыслять то, каким путем знания об окружающем мире добываются и проверяются. Другие племена и народы, как правило, считали природные явления прихотью богов. Например, сильная гроза могла быть приписана чему-то, что раздражало бога грома. Вызвать дождь или обуздать ужасные грозы — означало выяснить, какие действия человека угодны богу дождя или умилостивят бога грома. Такие люди любые попытки обнаружить естественные причины дождя или грома сочли бы глупостью. Вместо этого следовало понять, чего хотели соответствующие боги, а затем попытаться удовлетворить их желания.

Грекам, наоборот, хотелось задействовать свой разум — свою способность наблюдать и логически мыслить — с целью исследования и познания мира. Поэтому они постепенно перестали беспокоиться о прихотях богов и занялись изучением окружающих их реальных объектов. Ведомые, в частности, великим афинским философом Аристотелем (384–322 гг. до н.э.), блестящим и творческим систематизатором, который в более поздние эпохи получил известность как Философ, греки развили теорию, метод рассуждения и науку, которые позднее стали называться *естественным законом*.

Аристотель

1.1 Естественный закон

В основе естественного закона лежит фундаментальная идея, гласящая, что для того, чтобы *быть*, нужно быть *чем-то*, то есть, какой-то конкретной вещью или сущностью. Не существует абстрактного бытия. Все, что *есть*, является конкретным предметом, будь то камень, кошка или дерево. Эмпирическим путем был установлен факт, что во Вселенной имеется более, чем одна-единственная вещь; в реальности существуют тысячи, если не миллионы видов вещей. Каждая вещь имеет свой собственный набор свойств или атрибутов, свою *природу*, что и отличает ее от вещей других видов. Камень, кошка, вяз; у каждого есть своя особая природа, которую человек может обнаружить, исследовать и определить.

Если возможно обнаружить и исследовать природу сущностей X и Y , то возможно обнаружить, что происходит и при *взаимодействии* этих сущностей. Предположим, например, что когда определенное количество X взаимодействует с данным количеством Y , получается определенное количество еще одной сущности Z . Тогда можно сказать, что *причиной* полученной Z стало взаимодействие X и Y . Так химики могут обнаружить, что когда две молекулы водорода взаимодействуют с одной молекулой кислорода, то в результате получается одна молекула нового объекта, воды. Все эти сущности — водород, кислород и вода — обладают конкретными, доступными для изучения свойствами, или природой, которую возможно определить.

Тогда очевидно, что понятия *причины* и *следствия* являются неотъемлемой частью анализа естественного закона. События в мире можно проследить вплоть до взаимодействия конкретных сущностей. Поскольку их природные свойства даны, и их

возможно определить, при аналогичных условиях взаимодействие различных сущностей будет воспроизводимым. Одни и те же причины всегда будут давать один и тот же результат.

Для философов-последователей Аристотеля логика была не отдельной и изолированной дисциплиной, но неотъемлемой частью естественного закона. Так, основной процесс определения сущностей «классической» или Аристотелевой логики приводит к закону тождества: вещь не может быть ничем иным, кроме того, чем она является: *a* это *a*.

Тогда отсюда следует, что сущность не может быть отрицанием себя. Или, иначе говоря, получаем закон непротиворечия: вещь не может быть и *a*, и не *a*. *a* не является и не может быть не *a*.

Наконец, в нашем мире многочисленных видов сущностей, что-то должно или быть *a* или не должно им быть; иначе говоря, это будет *a* либо не *a*. Ничто не может быть и тем, и другим. Это приводит к третьему, хорошо известному закону классической логики — закону исключенного третьего: во Вселенной все либо *a*, либо не *a*.

Но если каждая сущность во Вселенной, если водород, кислород, камень или кошки могут быть определены, а их природа исследована то, значит, познаваем и человек. У человеческих существ также должна быть своя природа, свои определенные свойства, которые могут быть изучены и из которых возможно извлечь знание. Человеческие существа являются уникальными во Вселенной, потому что они могут и познают себя и окружающий их мир и пытаются выяснить, какие им следует преследовать цели и какие средства они могут использовать для их достижения.

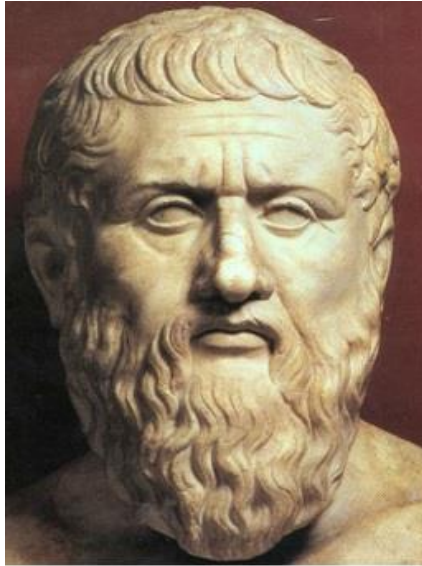
Понятие «хороший» (и, следовательно, «плохой») имеет отношение только к живым существам. Так, камни или молекулы не имеют никаких целей или намерений, любое представление о том, что может быть «хорошим» для молекулы

или камня справедливо считалось бы странным. Однако то, что может быть «хорошим» для вяза или для собаки, приобретает великий смысл: в частности, «хорошим» является то, что ведет к выживанию и процветанию живого существа. «Плохим» является все то, что вредит жизни или благополучию живого существа. Таким образом, можно разработать этику «вяза», выяснив, какими должны быть условия для наилучшего роста и поддержания жизни вязов: почва, солнце, климат и т.д.; и избегая условий, которые считаются для вязов «плохими»: болезни, засуха и т.д. Подобный набор этических свойств можно разработать для самых разных видов животных.

Таким образом, с позиций естественного закона этика имеет смысл только по отношению к живым существам (или *видам*). То, что хорошо для капусты будет отличаться от того, что хорошо для кроликов и, в свою очередь, будет отличаться от того, что хорошо или плохо для человека. Этика каждого вида будет иметь отличия, соответствующие его природе.

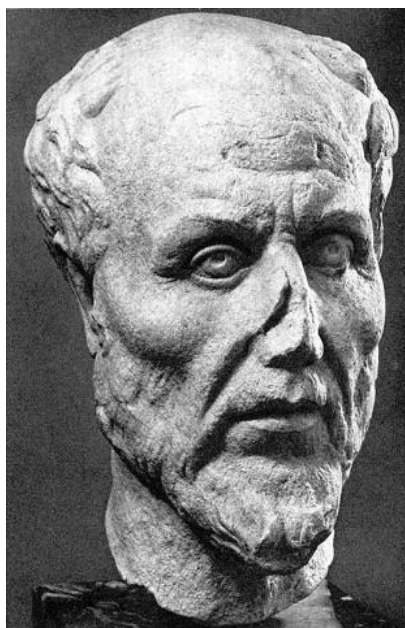
Человек является единственным видом, который может — и действительно должен — разработать собственную этику. Растения не обладают сознанием и, следовательно, не могут выбирать или действовать. Сознание животных узко перцептивное, они не способны мыслить концептуально: они не обладают способностью формулировать идеи и действовать в соответствии с замыслом. Человек, согласно знаменитому высказыванию Аристотеля, это единственное *разумное животное* — вид, который использует разум для восприятия ценностей и этических принципов и который действует с целью достичь эти цели. Человек *действует*; то есть, он принимает ценности и цели, и выбирает пути для их достижения.

Таким образом, человек, пребывая в поисках цели и способов их достижения, должен исследовать и работать, оставаясь в рамках естественного закона: свойств самого себя и свойств других существ и способов, с которыми ему, возможно, придется взаимодействовать.

Платон

Западная цивилизация в огромной степени является греческой; и две великие философские традиции Древней Греции, во многом сформировавшие мышление Запада, были традициями Аристотеля и традицией его великого учителя и антагониста Платона (428–347 гг. до н.э.). Как уже было сказано, каждый человек в глубине души относится либо к последователям Платона, либо к последователям Аристотеля и граница проходит по всей линии соприкосновения этих учений. Платон первым применил подход с позиций естественного права, который Аристотель развил и систематизировал; однако основные направления были совершенно разными. Для Аристотеля и его последователей, существование человека, как и всех других существ, является «случайным», то есть не является необходимым и вечным. Только Божье Существование необходимо и существует вне времени. Случайность человеческого существования является просто неотъемлемой частью естественного порядка и должна быть принята в качестве таковой.

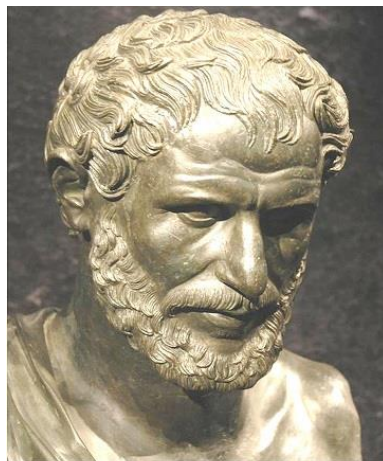

Плотин

Однако для платоников, особенно как это сформулировал последователь Платона египтянин Плотин (204–270 гг. н.э.), эти неизбежные ограничения естественного состояния человека являются неприемлемыми и должны быть преодолены. Для платоников действительное, конкретное, фактическое существование человека во времени было слишком ограниченным. Вместо этого существование (которое включает в себя все, что каждый из нас когда-либо видел) они понимали, как грехопадение, падение с вершин изначального несуществования, идеального, совершенного, вечного бытия человека, богоподобного совершенства и, следовательно, ничем не ограниченного. Платоники весьма причудливым языком описывали это идеальное и несуществующее существо как *действительно существующее*, истинной сущностью человека, от которой мы все были отчуждены или отрезаны. Природа человека (и всех других сущностей) в нашем мире состоит в том, чтобы быть чем-то и существовать во времени; однако в понимании платоников действительно существующий человек должен жить вечно, жить вне времени и не иметь никаких ограничений. Следовательно, человек пребывает на земле в состоянии деградации и отчуждения, и его предполагаемая цель должна состоять в том, чтобы найти свой собственный путь назад к «истинной» безграничной и совершенной личности, к

своему якобы исходному состоянию. Разумеется, все это принимается без каких-бы то ни было доказательств — и в самом деле, ведь сами по себе доказательства есть ограничения и, следовательно — в понимании платоников — все портят.

Как мы убедимся в дальнейшем, взгляды Платона и Плотина на якобы отчужденное состояние человека оказали большое влияние на работы Карла Маркса и его последователей. Другим мыслителем, взгляды которого радикально расходились с аристотелевской традицией, ставшего предтечей Гегеля и Маркса, был философ раннего досократовского периода Гераклит Эфесский (с.535–475 до н.э.).

Гераклит Эфесский

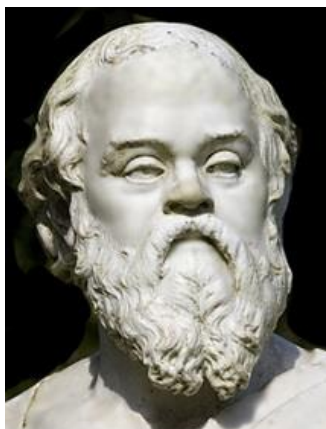
Он был досократиком в том смысле, что был предшественником великого учителя Платона Сократа (470–399 до н.э.), ничего не написавшего, но труды которого дошли до нас в интерпретации Платона и некоторых других своих последователей. Гераклит, которому греки дали меткое прозвище «Темный», учил, что иногда противоположности — *a* и не *a* — могут быть идентичными или, другими словами, что *a* может быть не *a*. Такое пренебрежение элементарной логикой можно было бы, вероятно, простить кому-то вроде Гераклита, который писал еще до того, как Аристотель разработал классическую логику, однако трудно оставаться столь же толерантным к его более поздним последователям.

1.2 Политика *полиса*

Когда человек, используя свой разум, переносит свое внимание с неживого мира на мир самого человека и на социальную организацию, тогда чистому разуму становится трудно избежать предубеждений и предрассудков, накладываемых политическими рамками эпохи. Это утверждение справедливо по отношению ко всем грекам, включая Сократа, Платона и Аристотеля. Греки жили в малых городах-государствах (*полисах*), и некоторые из них оказались способны создать собственные заморские империи. Крупнейший город-государство Афины занимал территорию площадью всего около одной тысячи квадратных миль или половину площади современного штата Делавэр. Ключевым аспектом греческой политической жизни было то, что город-государство находился под властью жесткой олигархии привилегированных граждан, по большей части крупных землевладельцев. Большинство населения города-государства составляли рабы или осевшие здесь иностранцы, первые, как правило, занимались ручным трудом, вторые — коммерцией. Гражданство было исключительной привилегией потомков граждан. В то время, как греческие города-государства колебалась между прямой тиранией и демократией, в почти «демократических» Афинах, например, привилегии демократического правления были актуальны лишь для 7 % населения, все остальные были либо рабами, либо иностранцами-поселенцами. (Так, в Афинах V в. до н.э. при населении в 400 тыс. человек, число граждан было всего около 30 тыс.)

Будучи привилегированными землевладельцами, живущими за счет налогов и продукции, производимой рабами, афинские граждане располагали досугом для проведения голосований,

дискуссий, занятий искусством и — для особо умных — философией.

Сократ

Хотя философ Сократ сам был сыном каменотеса, его политические взгляды были сверхэлитарными. В 404 г. до н.э., деспотическое государство Спарты завоевало Афины и установило господство террора, получившее известность как правление Тридцати тиранов. Когда годом позже афиняне свергли этот недолговечный режим, восстановленная демократия казнила пребывавшего уже в преклонном возрасте Сократа, обвинив его в симпатиях к спартанскому правлению. Этот опыт склонил Платона, блестящего молодого ученика Сократа, отпрыска знатного афинского семейства к, как сегодня это можно было бы определить, «ультраправой» приверженности аристократическому и деспотическому правлению.

Десять лет спустя на окраине Афин Платон основал собственную академию, мозговой центр, в котором не только учили абстрактной философии и проводили исследования, но также разрабатывали политические программы социального деспотизма. Сам Платон трижды безуспешно пытался установить деспотический режим в городе-государстве Сиракузы, и при этом не менее девяти студентов Платона сумели утвердиться в качестве тиранов в различных городах-государствах по всей Греции.

Хотя Аристотель был политически более умеренным, чем Платон, его аристократическая приверженность *полису* была вполне очевидна. Аристотель родился в прибрежном македонском городке Стагире, в аристократической семье и в 367 г. до н.э., и в возрасте 17 лет поступил студентом в Академию Платона. Там он оставался до самой смерти Платона 20 лет спустя, после чего покинул Афины и, в конце концов, вернулся в Македонию, где был принят ко двору короля Филиппа и стал наставником молодого Александра Великого, будущего завоевателя мира. В 335 г. до н.э. после восшествия Александра на престол, Аристотель вернулся в Афины и основал собственную школу философии в Лицее, откуда его великие произведения и дошли до нас в виде лекций, составленных им самим или записанных его учениками. После смерти Александра в 323 г. до н.э., афиняне почувствовали себя достаточно свободными, чтобы выплеснуть весь свой гнев в адрес македонян и их сторонников. Аристотель был изгнан из города и вскоре после этого умер.

Приверженность сократиков аристократии и сама жизнь в условиях олигархического *полиса* оказали на них большее влияние, чем разнообразные экскурсы Платона в область теоретических коллективистских утопий правого толка или практические попытки его учеников установить тиранию. Поскольку именно социальный статус и политические склонности сократиков обуславливали их этическую и политическую философию и их экономические взгляды. Так, согласно и Платону, и Аристотелю, «хорошо» для человека не то, чего человек добивается индивидуально, и не то, что каждый человек наделен правами, которые не должны ущемляться или на которые не должно быть посягательств со стороны ближнего. Для Платона и Аристотеля естественным было считать «хорошим» не то, что совершается индивидом, но что совершается *полисом*. Понятия добродетели и хорошей жизни были ориентированы скорее на *полис*, чем на индивида. Все это означает, что идеи Платона и Аристотеля были насквозь этатистскими и элитарными. К сожалению, этим этатизмом

пронизана вся «классическая» (греческая и римская) философия; на христианскую и средневековую мысль он оказал столь же сильное влияние. Поэтому классическая философия, опирающаяся на «естественный закон», сначала в Средние века, а затем в XVII и в XVIII вв., так и не получила дальнейшего развития на основе «естественных прав» личности, на которые не может посягать ни человек, ни государство.

Непосредственно в экономической сфере этатизм греков означал обычное для аристократов превозношение мнимых достоинств военного искусства и сельского хозяйства, а также широко распространенное презрение к труду и торговле и, следовательно, к стремлению зарабатывать деньги и искать возможности для получения прибыли. Так, Сократ открыто презирая труд, как нездоровый и вульгарный, цитирует высказывание царя Персии о том, что на сегодняшний день самые благородные искусства — это сельское хозяйство и война. И Аристотель писал, что никаким достойным гражданам «не должно быть позволено осуществлять никакую низкую механическую работу или перевозку, в силу ее подлости и разрушительности для добродетели».

Более того, главенство греческого *полиса* над личностью стало причиной смутных представлений греков об экономических инновациях и предпринимательстве. В конце концов, предприниматель, динамичный новатор, есть воплощение индивидуального эго и творчества и, следовательно, предвестник часто доставляющих беспокойство социальных изменений, а, равно, экономического роста. Этический идеал греков и Сократа в отношении человека не распустился и не расцвел на основе внутренних возможностей, но сформовавшийся общественно-политический монстр отвечал скорее требованиям *полиса*. Эта разновидность социального идеала создавалась в целях пропаганды застывшего общества, в котором все определяется политическим статусом и, совершенно определено, не того общества, которое составляют творческие, энергичные люди и новаторы.

1.3 Первый «экономист»: Гесиод и проблема редкости благ

Было бы заблуждением полагать, что древние греки были «экономистами» в современном понимании. Закладывая основы философии, они размышляли о человеке и его мире, и в их философствованиях попадаются отдельные элементы политико-экономических или даже строго экономических мыслей и идей. Однако трактатов по экономике *per se* никто не писал. Это правда, что термин «экономика» греческого происхождения и является производным от греческого *oikonomia*, однако *oikonomia* означает не экономика в нашем понимании, но «искусство ведения домашнего хозяйства», и в воображаемых трактатах по «экономике» обсуждалось бы то, что сегодня можно было бы назвать технологией домоводства – дело наверно полезное, однако это, определенно, не то, что мы считаем сегодня экономической наукой. Более того, существует опасность, избежать которой, к сожалению, не удалось многим одаренным историкам экономической мысли, усматривающим в обрывочных фразах древних мудрецов, знания, которые сегодня накопила экономическая наука. Разумеется, мы не должны упустить из виду никого из гигантов прошлого, и в то же время также следует избегать «презентизма» — зацикленности на нескольких непонятных фразах, когда превозносятся предполагаемые, но несуществующие предшественницы изоощренных современных концепций.

Честь называться первым греческим мыслителем-экономистом принадлежит поэту Гесиоду из Беотии, жившему в очень ранней Древней Греции в середине VIII в. до н.э. Гесиод крестьянствовал в маленькой, самодостаточной

сельскохозяйственной общине деревни Аскра, которую описывал: «тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной» (Гесиод, «Труды и дни» — *перевод В. Вересаева*). Поэтому он не понаслышке был знаком с вечной проблемой редкости, скупости ресурсов, которая так контрастирует с многообразием целей и желаний человека. Большая поэма Гесиода «Труды и дни», содержащая сотни стихов, предназначалась для сольной декламации с музыкальным сопровождением. Однако Гесиод не просто развлекал публику, он был дидактическим поэтом и часто прерывал сюжетную линию, обучая свою публику традиционной мудрости или правилам человеческого поведения. Из 828 стихов поэмы первые 383 посвящены фундаментальной экономической проблеме редких ресурсов, необходимых для достижения многочисленных и разнообразных человеческих целей и желаний.

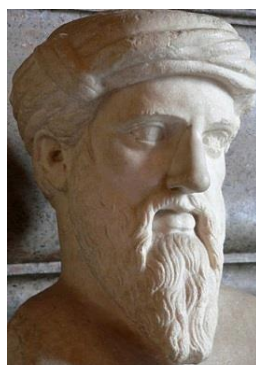
Гесиод тоже разделял широко распространенный религиозный или племенной миф о «Золотом веке», о предполагаемом исходном положении человека на земле, которое было подобно эдемскому, о райском безграничном изобилии. В том первоначальном Эдеме, конечно же, не было никаких экономических проблем, никаких проблем редкости, поскольку все желания человека исполнялись мгновенно. Но теперь все стало по-другому, и «людям никогда не отдохнуть от трудов и горестей дневных и от гибели ночной». Причина такого униженного положения — всеохватывающий дефицит, результат изгнания человека из рая. В виду редкости, отмечает Гесиод, труд, материалы и время должны распределяться эффективно. Более того, редкость может быть частично преодолена только путем энергичного приложения труда и капитала. В частности, труд-работа — имеют решающее значение, и Гесиод анализирует жизненные факторы, которые могут побудить человека отказаться от богоподобного состояния лени. Первая из этих сил, это, конечно, базовые материальные потребности. Однако к счастью, потребности подкрепляются социальным неодобрением лени и желанием подражать стандартам потребления, чтобы было «как у людей».

По Гесиоду подражание приводит к развитию здорового духа соперничества, который он называет «хорошим конфликтом», важнейшей силой, помогающей избавиться от фундаментальной проблемы редкости благ.

Чтобы конкуренция оставалась честной и гармоничной, Гесиод энергично отвергает такие несправедливые методы приобретения богатства, как грабеж, и выступает за верховенство закона и уважение к правосудию, чтобы в обществе установились гармония и порядок, и чтобы конкуренция развивалась в согласии и справедливости. Совершенно очевидно, что Гесиод гораздо более оптимистично смотрел на экономический рост, труд и энергичную конкуренцию, чем это делали три с половиной столетия спустя гораздо более изощренные философы Платон и Аристотель.

1.4 Досократики

Человеку свойственно ошибаться и даже совершать глупости и, следовательно, история экономической мысли не может ограничиться описанием одного только накопления и развития экономических истин. Она также не должна оставлять без внимания ошибки, повлекшие за собой серьезные последствия, то есть ошибки мыслителей, оказавших, к сожалению, большое влияние на последующее развитие дисциплины. Одним из таких мыслителей был древнегреческий философ Пифагор Самосский (около 570–500 гг. до н. э.), который спустя два столетия после Гесиода основал школу мысли, утверждавшую, что *единственной* значимой реальностью является *число*.

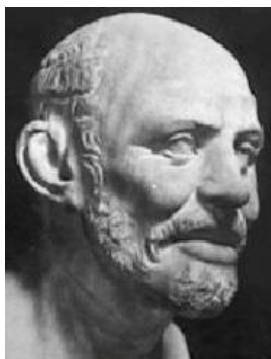
Пифагор

Мир не только *является* числом, но всякое число есть воплощение моральных качеств и других абстракций. Так, справедливость, согласно учению Пифагора и его последователей, *есть* число 4, а другие числа соответствуют различным моральным качествам. Хотя несомненно, что Пифагор способствовал развитию греческой математики, его числовой мистицизм гарвардский социолог XX века Питирим Сорокин вполне мог бы охарактеризовать как основополагающий пример «квантофрениии» и «метромании».

Квантофрения (термин П. Сорокина) — псевдонаучное увлечение чрезмерной и неадекватной квантификацией общих положений и данных в социологии; вера в необходимость и возможность измерения, количественной оценки всех социальных явлений при недооценке качественного анализа. Метромания — ж. устар. Страсть к писанию стихов; рифмоплетство. — *пер.*

Вряд ли будет сильным преувеличением, если мы увидим в учении Пифагора зародыш процветающих сегодня самонадеянно высокомерной математической экономики и эконометрики.

Таким образом, вкладом Пифагора в философию и экономическую мысль стал бесплодный тупик, тот самый, который позднее спровоцировал Аристотеля на тщетные попытки разработать математику справедливости и экономического обмена.

Демокрит

Следующим, кто сделал важный позитивный вклад в развитие, был досократик (на самом деле современник Сократа) Демокрит (около 460–370 до н.э.). Этот ученый, родом из городка Абдеры, оказал огромное влияние на развитие науки, он стал основоположником «атомизма» в космологии, то есть представления о том, что фундаментальная структура реальности состоит из взаимодействующих атомов. Демокрит способствовал развитию экономики, обозначив два важнейших направления мысли. Во-первых, он заложил основы субъективной теории ценности. Демокрит учил, что моральные ценности, этика, являются абсолютными, но экономические ценности являются обязательно субъективными. «Та же самая вещь, — писал Демокрит, — может быть «хорошей и

правильной для всех людей, однако то, что приятно — для всех людей разное». Но не только оценка является субъективной, Демокрит также увидел, что полезность блага падает до нуля и становится отрицательной, если его предложение сверхизбыточно.

Демокрит также отметил, что если люди ограничивают свои потребности и сдерживают желания, тогда то, чем они сейчас обладают, может, по-видимому, сделать их немного богаче, а не беднее. И здесь им признается относительная природа субъективной полезности благосостояния. Кроме того, Демокрит был первым, кто пришел к понятию (еще в зачаточной его форме) временного предпочтения: концепции австрийской школы о том, что люди предпочитают настоящее благо перспективе получения блага в будущем. Как объясняет Демокрит, «нет уверенности в том, что молодой человек когда-то достигнет преклонных годов; следовательно, имеющееся благо превосходит благо, которого еще нет».

В дополнение к сделанным им первым наброскам субъективной теории полезности, еще одним крупным вкладом Демокрита в экономическую науку стала его новаторская защита системы частной собственности. В отличие от восточных деспотий, в которых все имущество было в собственности или под контролем императора и подчиненной ему бюрократии, общество и экономика Греции основывались на частной собственности. Демокрит, видя контраст между экономикой Афин, базирующейся на частной собственности, и олигархическим коллективизмом Спарты, пришел к выводу, что частная собственность является высшей формой экономической организации. В отличие от общественной собственности, частная собственность поощряет труд и усердие, поскольку «доход от общественной собственности доставляет меньше удовольствия и расходы менее болезненны». «Труд, — заключает философ, — слаще безделья, когда люди получают то, ради чего они трудятся или когда знают, что этим будут пользоваться они».

1.5 Правая коллективистская утопия Платона

Поиски Платона иерархической, коллективистской утопии нашли свое классическое выражение в его самой известной и оказавшей огромное влияние работе «Государство». В ней — а позднее в «Законах» — Платон в общих чертах описал свой идеальный город-государство: государство, в котором олигархическое правление осуществляется царями-философами и их учеными коллегами, обеспечивая, тем самым, общественное верховенство лучших и самых мудрых. Уровнем ниже философов в этой иерархии принуждения располагаются «охранители» — солдаты, роль которых состоит в том, чтобы совершать агрессии по отношению к другим городам и землям и защищать свой *полис* от агрессий извне. Под ними располагается основная масса народа, презренных производителей: рабочих, крестьян и торговцев, всех тех, кто производят материальные блага, и благодаря которым как раз и благоденствуют царствующие философы и их охранители. Предполагается, что эти три широкие класса отражают то, каким должен быть шаткий и пагубный переход, если таковой возможен — к правильному правлению душами людей. Согласно Платону, всякое человеческое существо составляют трое: «Тот, кто испытывает желания, тот, кто борется и тот, кто думает»; и правильная правящая иерархия в каждой душе должна быть такой: сначала разум, потом борьба и, наконец, в самом низу — грязные желания.

Два самых главных правящих класса — мыслители и охранители — в идеальном государстве Платона будут жить при самом настоящем коммунизме. У элиты вообще не будет никакой частной собственности; все должно быть в общественной собственности, в том числе женщины и дети. Представители элиты должны будут жить вместе и у них будет

общий стол. Поскольку деньги и частное владение, согласно аристократу Платону, только развращают, в высших классах общества они должны быть исключены. Брачных партнеров в элитарной среде должно определять только государство, которое, как предполагается, будет действовать в соответствии с принципами научной селекции, уже известными в животноводстве. Если кто-либо из философов или охранителей окажется недоволен таким порядком вещей, то ему объяснят, что его личное счастье ничто по сравнению со счастьем *полиса* в целом — концепция, согласитесь, в лучшем случае довольно сомнительная. Однако на самом деле те, кто не соблазнился теорией Платона о вещественной реальности идей, не поверит, что такая вещь, как *полис* в действительности *существует*. Напротив, город-государство или сообщество составляют только живые, осуществляющие свой выбор *индивиды*.

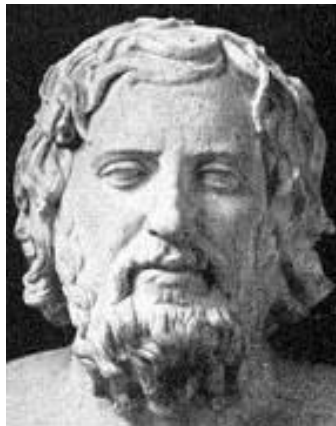
Примечательно, что выстраивая свою классическую апологию тоталитаризма, Платон действительно поспособствовал развитию экономической науки, ставши первым, кто изложил и проанализировал важность разделения общественного разделения труда. Поскольку его социальная философия основывалась на необходимом классовом делении, Платон пошел еще дальше, и попытался показать, что подобная специализация имеет в своей основе человеческую природу, а именно то, что люди все разные и они неравны. Сократ у Платона говорит в «Государстве», что специализация возникает потому, что «мы неодинаковы; среди нас имеются самые разнообразные натуры, которые приспособлены для различных видов деятельности».

Поскольку люди производят самые разные вещи, блага естественным образом обмениваются одно на другое и, таким образом, специализация обязательно способствует обмену. Платон также отмечает, что такое разделение труда увеличивает производство всех товаров. Тем не менее, Платон не видит никаких моральных проблем в ранжировании различных профессий, и философия при этом занимает самое высокое

место, а труд и торговля считаются уделом грязных и подлых. С изобретением чеканки монет в Лидии в начале VII в. до н.э. использование золота и серебра в качестве денег значительно ускоряется, и в Греции быстро распространяются отчеканенные монеты. Испытывая отвращение к стяжательству, торговле и частной собственности, Платон стал, пожалуй, первым теоретиком, осудившим использование золота и серебра в качестве денег. Он не любил золото и серебро еще и потому, что они служили в качестве международной валюты, принятой всеми народами. Поскольку эти драгоценные металлы повсеместно принимались и существовали отдельно от того, что было санкционировано правительством, золото и серебро, тем самым, являли собой потенциальную угрозу для экономической и нравственной власти правителей *полиса*. Платон был сторонником необеспеченных государственных денег, крупных штрафов на импорт золота из-за пределов города-государства, и лишения гражданства всех торговцев и работников, имевших дело с деньгами.

Одним из признаков приказной утопии Платона, является то, что подчинение приказам и возможность быть под контролем, требует относительной статичности. А это означает, что переменам, инновациям и экономическому росту места практически нет. Платон стал предтечей тех современных интеллектуалов, которым не по душе экономический рост, причем по тем же самым причинам: в частности, из опасения краха государства, в котором господствует правящая элита. Особенно трудной проблемой, при такой попытке статически заморозить общество, является рост населения. Поэтому Платон был довольно последователен, когда призвал зафиксировать размер населения города-государства, и ограничить количество его граждан числом не более 5 тыс. семей землевладельцев.

1.6 Ксенофонт о ведении домашнего хозяйства

Ксенофонт

Современником и учеником Платона был представитель афинской земельной аристократии и полководец Ксенофонт (430–354 до н.э.). Экономические идеи Ксенофонта разбросаны по всем его произведениям, таким, как сообщение о персидском ценообразовании, трактат о том, как увеличить доходы государства, и книга по «экономике», в которой ведется речь о технологии управления домашним хозяйством и поместьем. Идеи Ксенофонта пропитаны обычным для Древней Греции презрением к труду и торговле и восхвалением сельского хозяйства и военного искусства, в сочетании с призывом к значительному увеличению роли государства и вмешательству в экономику. Среди них предложения по совершенствованию порта Афин, по строительству рынков и гостиниц, по созданию государственного торгового флота и по значительному расширению числа государственных рабов.

Однако в этом ворохе обычных банальностей содержались некоторые интересные, с точки зрения экономики, идеи. В своем трактате по управлению хозяйством Ксенофонт отметил, что понятие «богатство» должно определяться как ресурс, который человек может использовать и знает, как его использовать. Таким образом, то, что владелец не имеет возможности

использовать и не имеет знаний о том, как это использовать, не может считаться частью его богатства.

Еще одним озарением Ксенофонта стало предвосхищение им знаменитого изречения Адама Смита о том, что степень разделения труда в обществе неизбежно ограничивается степенью развития товарного рынка. Так, в важном дополнении идеи Платона о разделении труда, написанном через 20 лет после «Государства», Ксенофонт говорит, что: «В небольших городах один и тот же мастер изготавливает и стулья, и двери, и плуги, и столы; и зачастую тот же самый ремесленник строит дома ...», тогда как в крупных городах «многие люди требуют, чтобы в каждой отрасли работали специалисты» и, следовательно, «человек, занимаясь чем-то одним, очень часто даже менее напряженно, чем если берется за все, вполне способен заработать себе на жизнь». В крупных городах «мы находим, что один человек делает только мужскую обувь; а другой только женскую ... один человек живет тем, что кроит одежды, а другой тем, что их шьет».

В другом месте Ксенофонт в общем виде вводит важное понятие общего равновесия как динамической тенденции рыночной экономики. Так, он утверждает, что когда медников становится слишком много, медь становится дешевой и кузнецы разоряются и обращаются к другим видам деятельности, как это происходит в сельском хозяйстве или в любой другой отрасли. Он также вполне понимал, что увеличение предложения товара вызывает падение его цены.

1.7 Аристотель: частная собственность и деньги

Взгляды великого философа Аристотеля особенно важны, потому что вся структура его мышления оказала огромное и даже определяющее влияние на экономическую и общественную мысль раннего и позднего Средневековья, которое считается эпохой Аристотеля.

Хотя Аристотель, следуя греческой традиции, презирал тех, кто зарабатывает деньги и едва был сторонником *laissez-faire*, он сформулировал четкий и ясный аргумент в пользу частной собственности. Аристотель, вероятно под влиянием Демокрита и его аргументов в пользу частной собственности, выступил с убедительной критикой того коммунизма правящего класса, за который ратовал Платон. Цель Платона — совершенное коммунистическое единое государство — он осудил, указав, что такие предельное единство враждебно человеческому разнообразию и той взаимной выгоде, которую получает каждый при рыночном обмене. Далее Аристотель по пунктам показал различия между частной собственностью и общественной. Во-первых, частная собственность более производительна и, следовательно, ведет к прогрессу. Благам, находящимся в общем владении большого количества людей, уделяется мало внимания, поскольку люди в основном преследуют собственные интересы, избегая ответственности и стараясь переложить ее на других. И наоборот, к своей собственности люди проявляют величайшую заботу и интерес.

Во-вторых, одним из аргументов Платона в защиту общественной собственности было то, что она ведет к социальному миру, поскольку никто не будет завидовать или пытаться захватить имущество другого. Аристотель ответил, что общественная собственность ведет к непрекращающимся и яростным конфликтам, поскольку каждый будет утверждать, что он работал больше и получил меньше, чем другие, которые

сделали меньше, зато получили из общественных закромов больше. Кроме того, заявил Аристотель, не все преступления или революции обусловлены экономическими мотивами. Как он язвительно выразился, «люди становятся тиранами не для того, чтобы не мерзнуть от холода».

В-третьих, частная собственность очевидно присуща природе человека: его любовь к себе, к деньгам и имуществу связаны воедино в его естественной любви к исключительной собственности. В-четвертых, Аристотель, великий наблюдатель прошлого и настоящего, отметил, что частная собственность существовала всегда и везде. Внедрение общественной собственности в общество игнорировало бы человеческий опыт и стало бы прыжком в новое и неведомое. Отмена частной собственности, вероятно, породила бы больше проблем, чем сумела бы разрешить.

Наконец, Аристотель, соединив свои экономическую и этическую теории, продемонстрировал блестящее понимание того, что только частная собственность дает людям возможность поступать нравственно, то есть реализовать на практике ценности благотворительности и любви к ближнему. Принуждение к общественной собственности уничтожает такую возможность.

Хотя Аристотель критикует страсть к наживе, он по-прежнему выступает против каких-либо ограничений — тех самых, за которые ратовал Платон — на накопление индивидом частной собственности. Вместо этого образование должно научить людей добровольно ограничивать свои необузданные желания и, таким образом, вести их к ограничению накопления богатств.

Несмотря на выдвинутые им неоспоримые аргументы в защиту частной собственности и выступление против принудительного ограничения накопления богатств, аристократ Аристотель относился к труду и торговле столь же пренебрежительно, как и его предшественники. К сожалению, Аристотель стал источником проблемы для последующих веков,

провозгласив ложное, протогэлбрейтовское различие между «естественным» нуждами, которые удовлетворять необходимо, и «неестественными» хотениями, которые безграничны и от которых следует отказаться.

Джон Кеннет Гэлбрейт — американский экономист, представитель старого институционального и кейнсианского течений — *пер.*

Нет аргументов, убедительно показывающих почему, как полагал Аристотель, желания, которые можно удовлетворить малопродуктивным трудом, обеспечивающим лишь только средства к существованию, или бартером, являются «естественными», в то время как желания, которые могут быть удовлетворены более производительными денежными обмена, являются искусственными, «неестественными» и поэтому считаются предосудительными. Обмены во имя денежной выгоды просто осуждаются как аморальные и «неестественные», в частности, такие виды деятельности, как розничная торговля, оптовая торговля, транспорт и наем труда. К розничной торговле, которая, разумеется, непосредственно обслуживает потребителя, Аристотель относился особенно неприязненно и с удовольствием избавился бы от нее полностью.

В своих литературных произведениях, касающихся экономики, Аристотель едва ли оставался последовательным. Поскольку, хотя денежный обмен им осуждается как аморальный и противоестественный, он в то же время превозносит сеть объединяющих город взаимных и обоюдных обменов по типу дать-и-взять.

Путаница в мыслях Аристотеля по вопросу разделения аналитического и «морального» проявилась и при обсуждении им денег. С одной стороны, он видит, что расширение денежной сферы значительно облегчило производство и обмен. Он также видит, что деньги, средство обмена, являются выражением

общего спроса и «удерживают все товары вместе». Также деньги исключает роковую проблему «двойного совпадения желаний», где каждый продавец должен желать именно те блага, которые предоставляет другой. Теперь каждый может продавать товары за деньги. Более того, деньги позволяют накапливать ценность, которая будет использована для осуществления будущих покупок.

Аристотель, однако, создал большие проблемы для будущего, морально осудив как «противоестественную» выдачу денежных ссуд под проценты. Поскольку деньги не могут потребляться непосредственно и используется только для облегчения обмена, значит, они «бесплодны» и не могут сами по себе увеличивать богатство. Поэтому начисление процентов, которое, как ошибочно полагал Аристотель, подразумевает прямую производительность денег, резко осуждается как противное природе.

Было бы лучше, если бы Аристотель избежал такого поспешного морального осуждения и попытаться выяснить, почему *в реальной жизни* процент платят повсеместно. Может быть в конце концов выяснилось бы, что в процентной ставке все-таки имеется нечто «естественное»? А если бы он обнаружил экономическую причину начисления — и выплату — процента, возможно, Аристотель понял бы, почему такие ставки являются вполне моральными, а вовсе не неестественными.

Аристотель, как и Платон, враждебно относился к экономическому росту и выступал за статичное общество, и все это сочетается с их неприятием стяжательства и накоплением богатства. Идея старика Гесиода о том, что экономическая проблема есть проблема распределения редких средств, необходимых для удовлетворения альтернативных потребностей, была практически проигнорирована и Платоном, и Аристотелем, который вместо этого считал добродетелью, когда кто-то урезает свои желания, дабы они соответствовали имеющимся средствам.

1.8 Аристотель: обмен и ценность

Очень трудное для восприятия, но оказавшее большое влияние обсуждение Аристотелем обмена, сильно пострадало от его постоянной склонности мешать анализ с мгновенным моральным суждением. Как и в случае начисления процентов, прежде чем высказываться о моральности обменов, Аристотель должен был проявить последовательность и выяснить, почему в реальной жизни совершаются обмены. Этого он не сделал. Анализируя обмены, Аристотель заявляет, что эти взаимовыгодные сделки подразумевают «пропорциональную взаимность», однако неясно, ввиду характерной для Аристотеля двойственности, всем ли обменам по природе присуща взаимность или только пропорционально взаимные обмены являются действительно «правильными». И конечно же, Аристотель никогда не задавался вопросом: почему люди добровольно участвовать в «неправильных» обменах? И, соответственно, почему люди добровольно платят проценты, если на самом деле они «несправедливы»?

Все запуталось еще больше, когда под влиянием мистики чисел пифагорейцев Аристотель ввел неясные и вводящие в заблуждение математические термины в то, что оставаться просто анализом. Единственным сомнительным достоинством такого введения стало то, что оно доставило множество счастливых часов историкам экономической мысли, которые все пытаются в трудах Аристотеля обнаружить современный изощренный анализ. Эта проблема усугубляется печальной тенденцией, имеющей место среди историков мысли, рассматривать великих мыслителей прошлого, как обязательно цельных и последовательных. Это, конечно, серьезная историографическая ошибка; каким бы великим он ни был, всякий мыслитель может впасть в заблуждение и непоследовательность, и даже иногда писать бред. Похоже, что

многие историки научной мысли, просто не в состоянии признать этот простой факт.

Известные слова Аристотеля о взаимности при обмене в V книге его «Никомаховой этики» является ярким примером подобной тарабарщины. Аристотель говорит о строителе, который обменивает дом на обувь, сшитую сапожником. Он пишет далее: «Количество башмаков, обмениваемых на дом, следовательно, должно соответствовать пропорции строителя и сапожника. Ибо, если это не так, то не будет никакого обмена и не будет никаких взаимоотношений». В самом деле? Какая может быть пропорция между «строителем» и «сапожником»? И тем более как можно ее приравнять к соотношению башмаки/дома? В каких *единицах* могут быть выражены такие люди, как строители и сапожники?

Правильный ответ состоит в том, что в этом никакого смысла нет, и что это упражнение должно квалифицироваться в качестве несчастного случая пифагорейской квантофрениии. Однако многие уважаемые историки усматривают в этих приведенных в данном отрывке надуманных построениях, что Аристотель предвосхитил трудовую теорию ценности У. Стэнли Джевонса или Альфреда Маршалла. Трудовую теорию можно распознать, если сделать ничем не подтверждаемое предположение о том, что Аристотель «должно быть имел в виду» часы труда, затраченного строителем или сапожником, а Йозеф Судек усматривает здесь соответствующие навыки этих производителей, навыки, которые затем измеряются их продукцией.

См. Josef Soudek, *A fifteenth-century humanistic bestseller: the manuscript diffusion of Leonardo Bruni's annotated latin version of the (pseudo-) aristotelian economics* — *nep*.

В конечном итоге Судек выводит Аристотеля в качестве предшественника Джевонса. На фоне этой погони за призраками, не мог не порадовать вердикт о бредовости, вынесенный специалистом по экономической истории Древней

Греции Мозесом И. Финли и уважаемым специалистом по Аристотелю Х. Х. Йоахимом, который имел мужество написать: «Как именно ценности производителей должны быть определены, и что может означать пропорция между ними, до конца, я должен признаться, мне непонятно».

1. H.H. Joachim, *Aristotle: The Nichomachean Ethics* (Oxford: The Clarendon Press, 1951), p. 50. Also see Moses I. Finley, «Aristotle and Economic Analysis», in *Studies in Ancient Society* (London: Routledge and Kegan Paul, 1974), pp. 32–40

Другая серьезная ошибка в том же параграфе «Никомаховой этики» нанесла неисчислимый вред экономической мысли будущих веков. Там Аристотель говорит, что для того, чтобы обмен (*любой* обмен? или только *справедливый* обмен?) состоялся, различные товары и услуги «должен быть уравнены», эту фразу Аристотель подчеркивает несколько раз. Именно это необходимое «уравнение» привело Аристотеля к тому, чтобы ввести математику и знаки равенства. Он рассуждал так: для того, чтобы А и В смогли обменять два продукта, ценности обоих продуктов должны быть равными, в противном случае обмен не будет иметь место. Самые разные блага, обменивающиеся друг на друга, должны быть равны, потому что обмениваются только вещи равной ценности.

Как это было доказано представителями австрийской школы в конце XIX века, аристотелевская идея равной ценности при обмене просто-напросто неверна. Если А обменивает обувь на мешки пшеницы, принадлежащие В, то А делает это потому, что он предпочитает пшеницу обуви, в то время как предпочтения В являются *точно обратными*. Если обмен происходит, это означает не равенство ценностей, а скорее *обратное неравенство* ценностей для обеих сторон, осуществляющих обмен. Если я покупаю газету за 30 центов я поступаю так, потому что я предпочитаю приобретение газеты сохранению 30 центов, в то время как продавец газет предпочитает получать

деньги сохранению газеты. Это двойное неравенство субъективных оценок является необходимой предпосылкой для любого обмена. Если уравнение соотношения строителя в работника лучше забыть, в остальном анализ Аристотеля, по мнению некоторых историков, отчасти предвосхитил экономическую теорию австрийской школы. Аристотель недвусмысленно заявляет, что деньги есть воплощение человеческой потребности или мотивирующего обмен спроса, и они «удерживают все вещи вместе». Спрос определяется потребительной ценностью или желательностью блага. Аристотель вслед за Демокритом, указывает, что после того, как количество блага достигает определенного предела, когда его становится «слишком много», потребительная ценность будет падать и благо обесценится. Но Аристотель идет дальше Демокрита, указывая на другую сторону медали: когда блага становится все меньше, оно становится субъективно более полезным или ценным. В «Риторике» он утверждает, что «то, что редкое благо является большим благом, чем благо, имеющееся в изобилии. Так, золото лучше, чем железо, хотя и менее полезно».

В этих утверждениях действительно присутствует намек на то, как на самом деле различные уровни предложения влияют на ценность блага и, по крайней мере, намек на теорию предельной полезности, получившую окончательную формулировку в рамках австрийской школы, и на «австрийское» решение «парадокса» ценности.

Это интересные намеки и предложения; однако несколько отрывочных предложений, разбросанных по разным книгам, вряд ли могут считаться полноценной теорией-предшественницей австрийской школы. Однако имеется более интересный предвестник австрийского подхода, привлечший внимание историков только в последние годы: основа для австрийской теории предельной производительности — процесс, при котором ценность конечных продуктов вменяется средствам или факторам производства.

В своей малоизвестной работе «Топика», а также в его более поздней работе «Риторика» Аристотель проводит философский анализ отношений между человеческими целями и средствами, с помощью которых люди преследуют свои цели. Эти средства или «орудия производства» необходимо получают свою ценность от конечных продуктов, полезных для человека, от «орудий деятельности». Чем больше желательность или субъективная ценность блага, тем более желательны или ценны средства, необходимые для производства данного продукта. Более того, Аристотель вводит предельный элемент в это вменение, утверждая, что если приобретение или добавление блага А к уже желаемому благу С создает более желаемый результат, чем добавление блага В, значит, благо А более ценно, чем благо В. Или, как выразился Аристотель: «судим посредством добавления и видим, если добавление А к той же вещи, по сравнению с добавлением В, делает целое более желательным, чем добавление В». Аристотель также вводит еще более характерную, до австрийскую, предвосхитившую Бем-Баверка концепцию, подчеркнув отличие в *потере*, а не в добавлении блага. Благо А будет более ценным, чем благо В, если потеря блага А будет считаться большим злом, чем потеря блага В. Как ясно выразился Аристотель: «То благо больше, противоположность которого есть большее зло, и утрата которого действует на нас сильнее».

Аристотель также отметил важность взаимодополняемости экономических факторов производства при вменении им ценности. Пила, отметил он, в плотницком деле более ценна, чем серп, но она не является более ценной везде и во всех занятиях. Он также отметил, что благо, используемое для разных нужд, более желательно или более ценно, чем благо, у которого только одно применение. Те, кто критически относится к важности анализа Аристотеля, утверждают, что за исключением пассажи про пилу и серп, Аристотель не сделал никакого экономического приложения для своего широкого философского подхода к вменению.

Однако в этом обвинении упускается из виду один критически важный австрийский момент — разработанный с особой силой и тщательностью австрийским экономистом XX века Людвигом фон Мизесом — что экономическая теория является лишь частью, подмножеством, более широкого, «праксиологического анализа человеческой деятельности». Блестяще анализируя логические последствия применения средств для достижения целей в любой человеческой деятельности, Аристотель тем самым начал закладывать основу для австрийской теории вменения и предельной производительности, которая будет разработана через более, чем два тысячелетия спустя.

1.9 Крах после Аристотеля

Примечательно, что всплеск экономического мышления в античности пришелся лишь два столетия — V и IV и века до н.э. — и имел место только в одной стране, Греции. Остальная же часть древнего мира и сама Греция до и после этих веков, по существу оставалась пустыней экономической мысли. Ничего существенного не пришло из великих древних цивилизаций Месопотамии и Индии, и цивилизация Китая за всю свою многовековую историю, за исключением политических идей, тоже дала очень немногое. Примечательно, что эти цивилизации не породили экономической мысли, хотя экономические институты: торговля, кредит, добыча полезных ископаемых, ремесла и т.д. — достигали высокого уровня развития и даже более высокого, чем в Греции. И это является важным показателем того, что, вопреки утверждениям марксистов и прочих экономических детерминистов, экономическая мысль и идеи не возникают автоматически вследствие развития экономических институтов.

Те, кто изучает историю идей, никогда не смогут полностью проникнуть в тайны творчества человеческой души и, таким образом, полностью объяснить тот относительно короткий период расцвета экономической мысли. Однако совершенно неслучайно, что именно греческие философы снабдили нас самыми первыми кирпичиками будущей систематической экономической теории. До этой эпохи в самой Греции и в остальной части древнего мира философия как таковая тоже практически не существовала. Сутью философской мысли является то, что она проникает *ad hoc* в превратности обыденной жизни для того, чтобы прийти к истинам, которые выше ежедневных случайностей, обусловленных временем или

местом. Философия приходит к пониманию истин о мире и о человеческой жизни, которые — по крайней мере, до тех пор, пока существует мир и человечество — являются абсолютными, всеобщими и вечными. Иначе говоря, она приходит к системе естественных законов. И экономический анализ является составной частью такого исследования, поскольку только подлинная экономическая теория позволяет выйти за рамки ежедневной рутины и открыть фундаментальные истины о человеческой деятельности, которые являются абсолютными, неизменными и вечными, и на которые не оказывают влияния перемены времени и места. Экономическая мысль, по крайней мере, правильная экономическая мысль в ее собственной области исследования является подмножеством естественного закона.

Если вспомнить обрывочные экономические идеи, привнесенные греками: размышления Гесиода о редкости; размышления Демокрита о субъективной ценности и полезности, о влиянии спроса и предложения на цену и о временных предпочтениях; размышления Платона и Ксенофонта о разделении труда; идеи Платона относительно функций денег; высказывания Аристотеля по поводу спроса и предложения, о деньгах, об обмене и вменении ценности от целей к средствам, то мы видим, что все эти мыслители были сосредоточены на логических следствиях немногих всеохватывающих эмпирических аксиом человеческой жизни: о существовании человеческой деятельности, о вечном преследовании целей при использовании ограниченных средств, о разнообразии и неравенстве людей. Безусловно эти аксиомы эмпирические, но они настолько всеобъемлющи и широки, что применимы к человеческой жизни в целом, всегда и везде. После того как они были сформулированы и изложены, они побуждают согласиться с их истинностью посредством эффекта узнавания: будучи сформулированными, они становятся очевидными для человеческого разума. Эти аксиомы устанавливаются в качестве несомненных и неопровержимых, а затем с помощью логических процедур — универсальных и неопровержимых

самих по себе и лежащих вне времени и места — приходят нас абсолютно верным выводам.

Хотя этот метод рассуждения — в философии и в экономике — является одновременно и эмпирическим, вытекающим из свойств окружающего мира, и верным, он находится в сильном противоречии с современной философией науки. Например, в современном позитивизме или неопозитивизме, «доказательства» стали значительно уже, скоропреходящи и подвержены изменениям. Во многих современных направлениях экономической науки, которые в основном используют позитивистский метод, «эмпирическое доказательство» — это масса изолированных и узких экономических событий, каждое из которых представляется в виде однородных битов информации, используемых для якобы «поверки», подтверждения или опровержения экономических гипотез. Эти самые биты, в подражание лабораторным экспериментам, должны предоставить «доказательства», которые позволят проверить теорию. Современный позитивизм не в силах понять или овладеть системой анализа — будь то классическая греческая философия или экономическая теория — основанной на дедуктивных выводах из фундаментальных аксиом столь широкого эмпирического свойства, что практически являются самоочевидными — сами за себя говорят — после того, как они были сформулированы. Позитивизм не в силах понять, что результаты лабораторных экспериментов остаются лишь «доказательствами», поскольку они тоже демонстрируют очевидность ученым (или кому-то, кто следит за экспериментами), то есть, очевидность для себя тех фактов или истин, которые ранее очевидными не были. Дедукция в логике или в математике делает то же самое: она вынуждает прийти к согласию, демонстрируя людям очевидность вещей, которые ранее не казались очевидными. Правильная экономическая теория, которую мы называли «праксиологической» теорией, это еще один способ, с помощью которого истины становятся очевидными для человеческого разума.

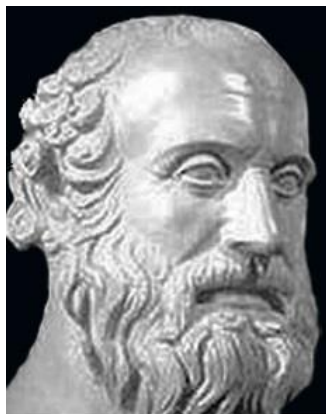
Даже политика в значительной степени зависит от экономической мысли, хотя часто говорят, что она не столь неуж явно или не совсем строго следует логике экономики. Политика, безусловно, является аспектом человеческой деятельности, и ее влияние на экономическую жизнь порой имеет решающее значение. На экономические аспекты политики оказывают влияние непреложные истины естественного закона, они могут быть и однажды были поняты, и потому при изучении развития экономической мысли ими уже невозможно пренебречь. Когда Демокрит и Аристотель защищали режим частной собственности, и Аристотель сокрушал представления Платона об идеальном коммунизме, они, тем самым, оказались вовлечены в важный экономический анализ сущности и значения альтернативных систем власти и прав собственности.

Идеи Аристотеля стали вершиной экономической мысли античности, как и его достижения в области классической философии. После смерти Аристотеля построение экономических теорий сошло на нет, а после эпохи эллинизма и заката Рима экономическая мысль практически исчезла.

Опять же, совершенно невозможно дать исчерпывающее объяснение факту исчезновения экономической мысли, хотя очевидно, что одной из причин, по всей вероятности, стал распад некогда гордого греческого полиса, случившийся после Аристотеля. Греческие города-государства подверглись завоеваниям и разрушениям, начавшихся с возникновением империи Александра Великого еще при жизни его бывшего наставника Аристотеля. В конце концов Греция, значительно менее богатая и не столь экономически процветающая, была поглощена Римской империей.

Неудивительно, что единственное, что можно считать имеющим отношение к экономическим делам — это советы, которые от отчаяния давали различные греческие философы, тщетно призывавшие своих последователей решить проблему постоянно растущего дефицита посредством резкого ограничения своих потребностей и желаний. Иначе говоря, если

ты несчастлив и нищ, смирись со своей долей, как с неизбежным велением судьбы человеческой и постарайся не желать большего, чем имеешь. Это учение безнадежности и отчаяния проповедовал основатель школы киников Диоген (412–323 до н.э.) и Эпикур (343–270 до н.э.), основоположник эпикурейства. Диоген и киники, исповедуя этот культ бедности, дошли до того, что перешли к образу жизни собак и взяли собачьи клички; сам Диоген поселился в бочке.

Диоген

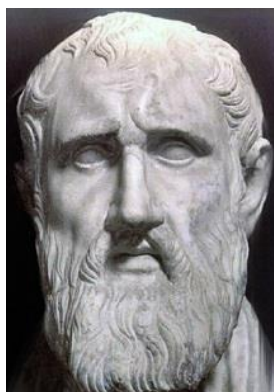
В соответствии со своими взглядами, Диоген осудил героя Прометея, который, согласно греческому мифу, похитил у богов дар огня и, таким образом, сделали возможным инновации, рост человеческого знания и прогресс человечества. Как писал Диоген, Прометей был справедливо наказан богами за свой роковой поступок.

Как подытожил Бертран Рассел:

«... Аристотель стал последним греческим философом, который радостно воспринимал окружающий мир; после него все философы, в той или иной форме, исповедовали философию отступления. Мир плох; давайте учиться быть независимыми от него. Внешние блага неустойчивы; они подарок судьбы, а не награда за наши собственные усилия».

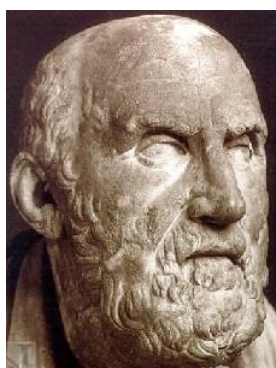
Наиболее интересной и влиятельной школой греческой философии после Аристотеля была школа стоиков, основанная Зеноном Китионским (336–264 до н.э.), который около 300 г. до н.э. появился в Афинах и начал учить в окрашенном Портике

(*stoa poikile*), после чего его самого и его последователей стали называть стоиками.

Зенон

Поначалу стоики были ветвью школы киников, и призывали умерять свои потребности в мирских благах, однако новую и более оптимистическую ноту в стоицизм привнес его второй великий основоположник Хрисипп (281–208 до н.э.).

Хрисипп

В то время как Диоген проповедовал, что любовь к деньгам есть корень всех зол, Хрисипп резко возразил, что «мудрый человек за адекватную плату три сальто сделает». Хрисипп также вполне понимал, что неравенство и разнообразие присуще человеку: «Ничто, — отметил он, — не в силах изменить того обстоятельства, что некоторые места в театре лучше других».

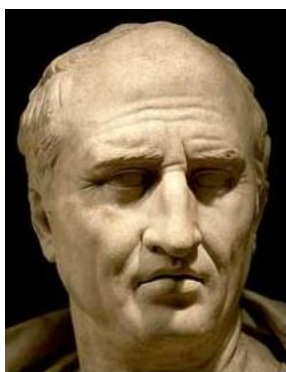
Однако основной вклад стоиков в развитие идей был сделан в области нравственной, политической и правовой философии,

поскольку именно стоики впервые разработали и систематизировали, особенно в правовой сфере, концепцию и философию естественного права. Именно в силу того, что Платон и Аристотель политически ограничивались рамками греческого полиса, их нравственная и правовая философия оказалась тесно переплетённой с жизнью греческого города-государства. Для сократиков город-государство — не индивид — был средоточием человеческой добродетели. Однако произошедшее после Аристотеля крушение или подчинение греческого полиса освободило мысль стоиков от ее привязки к политике. И поэтому стоики могли свободно использовать свой разум и разработать доктрину естественного закона, сосредоточив свое внимание не на полисе, но на каждом отдельном человеке, и не на конкретном государстве, но на всех государствах всего мира. Иначе говоря, в интерпретации стоиков естественный закон стал абсолютным и универсальным, преодолевающим любые политические барьеры или преходящие ограничения времени и места. Право и этика, принципы правосудия стали межкультурными и межнациональными, применимыми ко всем человеческим существам повсеместно. И поскольку каждый человек обладает способностью мыслить, он способен с помощью правильного рассуждения понять истины естественного закона. Важным следствием для политики стало то, что естественный закон, справедливый и правильный нравственный закон, открытый посредством человеческого разума, может и должен быть использован для критики с нравственных позиций рукотворных позитивистских законов любого государства или полиса. Впервые позитивный закон стал объектом для постоянной сокрушительной критики, базирующейся на всеобщей и вечной природе человека.

Несомненно, что приходу стоиков к их космополитическому пренебрежению узкими интересами полиса, способствовало то, что большинство из них были людьми с Востока, прибывшими из-за пределов материковой Греции. Основатель школы Зенон, которого описывали как «высокого, тощего и смуглого», прибыл

из кипрского города Китион. Многие, в том числе Хрисипп, прибыли из Тарса, города в Киликии, расположенного в юго-восточной области Малой Азии неподалеку от Сирии. Позже греческие стоики обосновались на острове Родос, находящемся неподалеку от побережья Малой Азии.

Учение стоиков просуществовало 500 лет, и его сильное влияние распространилось из Греции на Рим. Более поздние стоики на протяжении первых двух столетий после рождения Христа уже были скорее римскими, чем греческими. Огромную роль в переносе идей стоиков из Греции в Рим сыграл знаменитый римский государственный деятель, юрист и оратор Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.).

Марк Туллий Цицерон

Вслед за Цицероном концепция стоиков естественного закона оказала огромное влияние на римских юристов II и III вв. н.э. и, таким образом, помогла сформировать структуру римского права, ставшего повсеместным в Западной цивилизации. Влияние Цицерона было обусловлено его ясным и ярким стилем, а также тем, что он стал первым стоиком, писавшим на латыни, которая была языком римского права и которая оставалась языком всех западных мыслителей и писателей вплоть до конца XVII века. Кроме того, сочинения Цицерона и других латинских авторов сохранились гораздо лучше, чем имеющиеся у нас фрагментарные остатки произведений греков. Благодаря сочинениям Цицерона мы

знаем, какое сильное влияние лидер греческих стоиков аристократический Панетий Родосский (до 185–110 гг. до н.э.) оказал на их автора, который еще молодым человеком отправился на Родос, чтобы обучаться у последователя Панетия — Посидония Родосского (135–51 гг. до н.э.), величайшего стоика своей эпохи.

Посидоний

Не существует лучшего способа дать краткий очерк стоической философии естественного закона Цицерона, кроме как процитировать его «почти божественные слова», по выражению одного из его последователей. Перефразируя и развивая определения и идеи Хрисиппа, Цицерон писал:

«Есть истинный закон, на верной основе, согласный с природой, известный всем людям, постоянный и вечный, предписывающий выполнять его заповеди, посредством своих запретов удерживающий от зла... Нельзя без вины отойти от этого закона... Не существует одного закона в Риме, а другого в Афинах, сейчас одно, потом другое; один и тот же закон, неизменный и вечный, объединяет все человеческие расы во все времена; и есть единый общий, как бы он ни был, хозяин и правитель — Бог, автор, проводник и двигатель этого закона. Тот, кто не подчиняется ему, отходит от самого (истинного) себя, пренебрегает человеческой природой и подвергает себя самым тяжким наказаниям...»

Цицерон также обогатил западную мысль великой антиэтатистской притчей, которая звучит сквозь века, и в которой показано, что сущность правителей государства есть не

более чем сущность пиратов с большой буквы. Цицерон рассказал историю про пирата, которого приволокли на суд Александра Великого. Когда Александр, осуждая его за пиратство и разбой, спросил пирата, а что его побудило с помощью одного маленького корабля сделать небезопасным море, на что пират язвительно ответил: «то же самое, что побудило тебя (Александр) сделать небезопасным весь мир».

Однако, несмотря на их важный вклад в сфере нравственной и правовой философии, ни стоики, ни другие римляне не сделали ничего сколь-нибудь значительного в сфере экономической мысли. Хотя римское право оказало существенное влияние и стало всепроникающим в отношении развившегося позднее западного права. Римское частное право выдвинуло, впервые на Западе, идею прав собственности как абсолюта, согласно которому каждый владелец имеет право использовать свою собственность так, как считает нужным. Из этого вытекает право свободно заключать договоры, при этом договоры интерпретируются как передача титулов собственности. Некоторые римские юристы заявили, что естественный закон требует прав собственности. Римляне также создали торговое право, и римское право сильно повлияло на общее законодательство англоговорящих стран и на гражданское право континентальной Европы.

1.10 Даосизм и Древний Китай

Еще одним достойным упоминания пластом античной мысли были школы политической философии Древнего Китая. Однако несмотря на свои замечательные идеи, древняя китайская мысль большого влияния в последующие века за пределами изолированной китайской империи практически не оказала, и потому знакомство с ней будет кратким.

Три основные школы политической мысли: легизм, даосизм и конфуцианство были основаны с VI по IV вв. до н.э. Если коротко, то легисты, позднейшая из трех обширных школ, попросту верили в безграничную мощь государства и наставляли правителей в том, как эту мощь увеличить. Даосы стали первыми в мире либертарианцами, они выступали за полное невмешательство государства в экономику и в общество, а конфуцианцы в этом важнейшем вопросе заняли промежуточную позицию.

Конфуций

Самой заметной фигурой является Конфуций (551–479 до н.э.), имя которого на самом деле было Кун Фу-цзы, который был весьма эрудированным человеком, происходил из обедневшего знатного рода эпохи заката династии Джоу и

служил чиновником в клане Цзи царства Лу. Конфуцианская мысль, будучи гораздо более идеалистической, на практике немногим отличалась от учения легистов, поскольку конфуцианство в значительной степени было ориентировано на формирование и воспитание образованной и философски мыслящей бюрократии, правившей в Китае.

Наиболее интересной из китайских политических философов была школа даосов. Ее основателем был Лао-Цзы, личность которого имеет чрезвычайную важность, хотя остается во многом загадочной. О жизни Лао-цзы мало что известно, однако он, по-видимому, был современником Конфуция и был с ним лично знаком. Как и последний, он родился в царстве Сун и был отпрыском аристократического рода при династии Инь. Оба они жили в эпоху потрясений, войн и этатизма, однако воспринимали ее по-разному. Так как у Лао-цзы сложилось представление о том, что индивид и его счастье являются важнейшей общественной единицей. Если социальные институты препятствуют процветанию индивида и его счастью, то эти учреждения должны быть сокращены или отменены вовсе. В глазах индивидуалиста Лао-цзы государство, с его «законами и правилами, которых больше, чем волос на буйволе», было порочным угнетателем личности, и «его следует опасаться больше, чем свирепых тигров». В общем, государство должно быть ограничено до предельно возможного минимума;

«неделание» стало лозунгом для Лао-цзы, так как только бездействие государства может позволить человеку развиваться и достичь счастья. Любое вмешательство со стороны правительства, заявлял он, контрпродуктивно, и приводит к путанице и смятению.

Лао-цзы, ставший первым политэкономом, распознавшим системные эффекты государственного вмешательства, ссылаясь на весь опыт человечества, проницательно заключил, что: «Чем больше в мире искусственных запретов и ограничений, тем люди беднее ... Чем сильнее упор на законы и правила, тем больше становится воров и разбойников». Согласно Лао-цзы, наихудшими видами государственного вмешательства являются неподъемные налоги и война. «От того народ голодает, что слишком велики и тяжелы государственные налоги» и «где войско размещалось, там произрастают лишь шипы да колючки. После большой войны обязательно последуют суровые голодные годы».

Самое мудрое удерживать государство простым и неактивным, и тогда мир «стабилизируется сам собой».

Как говорил Лао-цзы: «Поэтому мудрец говорит: я не стану предпринимать никаких действий, пока люди не изменятся, я предпочитаю покой — и тогда людям хорошо, я не предпринимаю никаких действий — и люди обогащаются ...»

Будучи глубоким пессимистом и не питая никаких надежд на массовое движение, способное как-то изменить государство-угнетателя, Лао-цзы рекомендовал уже знакомый нам даосский путь ухода, отступления и ограничения своих желаний.

Чжуан-цзы

Два столетия спустя великий последователь Лао Цзы Чжуан-цзы (369–286 до н.э.), развил идею *laissez-faire* своего учителя и пришел к логическому выводу: индивидуалистический анархизм. Сочинявший аллегорические притчи Чжуан-цзы, будучи великолепным стилистом, получил большую известность и может, по-видимому, считаться первым анархистом в истории человеческой мысли. Выделявшийся «широтой познаний» Чжуан-цзы был родом из царства Мэн (в настоящее время это, вероятно, провинция Хэнань) и тоже был отпрыском старинного знатного рода (городок Мэн царства Сун — *пер.*) Слава о Чжуан Цзы, занимавшего незначительную чиновничью должность в своем родном государстве (Если верить Сыма Цяню, в молодости Чжуан-Цзы был смотрителем плантаций лаковых деревьев — *пер.*), распространилась по всей территории Китая так далеко, что правитель удельного княжества Вэй царства Чу прислал к Чжуан-цзы своего эмиссара с богатыми дарами и пригласил занять должность главного министра двора правителя.

Чжуан Цзы на это предложение правителя ответил пренебрежительным отказом, ставшим одной из величайших в истории деклараций о порочности атрибутов государственной власти и о добродетельности частной жизни, противостоящей этому злу:

«Тысяча унций золота — действительно большая награда, и должность главного министра — действительно высокий пост. Но разве вы, государь, не наблюдали жертвенного буйвола, ожидающего, что его принесут в жертву в королевском храме государства? О нем хорошо заботятся и откармливают на протяжении нескольких лет, украшают богатой парчой, чтобы он был готов отправиться в Великий Храм. И в тот момент он с удовольствием поменялся бы местами с любой самой одинокой свиньей, но разве он в силах это сделать? Так что, уходи прочь и побыстрее! Не пачкай меня. Я бы скорее бродяжничал и прозябал в грязной канаве, но в свое удовольствие, чем приму ярмо, которое наложит правитель. Я никогда не пойду ни на какую официальную службу и потому буду (свободно) следовать своим собственным целям».

Чжуан-цзы подтвердил и развил приверженность своего учителя Лао-цзы идее *laissez-faire* и свою оппозицию государственной власти: «Есть такое, когда людей оставляют в покое; никогда такого не бывало, чтобы людьми понукали (с успехом). Чжуан-цзы также стал первым, кто выдвинул идею «спонтанного порядка», независимо открытую Пруденом в XIX веке, и детально разработанную представителем австрийской школы Ф.А. фон Хайеком в XX веке. Так, Чжуан-цзы писал: «Хорошие результаты появляются спонтанно, когда предоставляешь возможность событиям течь своим чередом».

Однако в то время как люди, пребывая в состоянии своей «естественной свободы», очень хорошо могут жить своей жизнью, государственные законы и указы стремятся уложить человеческую природу на рукотворное прокрустово ложе. Как писал Чжуан-цзы: «Природа простых людей постоянна; они ткнут и одеты, пашут и сыты ... это то, что можно назвать их «естественной свободой». Эти люди в состоянии естественной свободы сами рождались и умирали, не страдая от каких-либо запретов или ограничений, и не было ни ссор, ни беспорядка. Если правители устанавливают обряды и законы, предназначенные для управления людьми, то «это не сильно отличается от попытки вытянуть короткие ноги утки и укоротить длинные ноги цапли» или «взнуздать лошадь». Такие правила не только не приносят пользы, но причиняют большой вред. Иначе говоря, Чжуан-цзы пришел к выводу, что мир

«просто не нуждается в управлении; на самом деле его не надо регулировать». Более того, Чжуан-цзы, возможно, был первым теоретиком, разглядевшим в государстве разбойника с большой буквы: «Мелкого воришку сажают в тюрьму. Большой разбойник становится правителем государства». Таким образом, единственное, что отличает правителей государств от живущих вне закона разбойников — масштаб их бесчинств. Эта тема правителя-разбойника, будет подхвачена, как мы видели, Цицероном, а позднее христианскими средневековыми мыслителями, хотя они, конечно, пришли к ней самостоятельно.

Пао Цзин-янь

Идеи даосов процветали на протяжении нескольких веков и своей высшей точки достигли в произведениях наиболее решительного анархического мыслителя Пао Цзин-яня, жившего в начале IV века н. э. и о жизни которого ничего не известно. Развивая Чжуан-цзы, Пао противопоставил идиллический мир древности, когда правителей и государств не существовало, тому горю, которое несут сегодняшние правители. В древнейшие времена, писал Пао, «не существовало ни правителей, ни чиновников. [Люди] копали колодцы и пили, вспахивали поля и ели. Когда вставало солнце, они шли работать; и когда оно садилось, они отдыхали. Спокойно шли своим путем без каких-либо обременений и были довольны

своими свершениями». В безгосударственную эпоху не было войн и беспорядка:

«Где воины и господа не могли собираться, в том поле не было войн ... Идея получения преимущества посредством власти еще не стала всеобщей. Бедствия и разрухи не возникало. Щиты и копья не использовались; городские стены и рвы не строились. Люди были сыты и развлекались; они были беззаботны и довольны».

В эту идиллию мира и довольства, пишет Пао Цзин-янь, пришло насилие и обман, установленные государством. История государства есть история насилия, сильный грабит слабого. Порочные тираны вовлечены в оргии насилия; будучи правителями, они «могут дать волю всем своим желаниям». Более того, институционализация государством насилия означает, что мелкие нарушения повседневной жизни значительно усиливаются и распространяются в гораздо большем масштабе. Как выразился Пао:

«Споры среди простых людей — это просто мелочи, ибо, что за масштабы последствий могут иметь силовые конфликты между обычными людьми? Они не имеют обширных земель, вызывающих зависть ... они не обладают никакой властью, посредством которой они могли бы расширить масштабы своего противостояния. Их власть не столь сильна, чтобы они могли собрать массы сторонников, и они не внушают благоговейного страха, который был бы способен подавить (подобное сборище) их оппонентов. Как можно сравнивать их с демонстрацией монаршего гнева, который может разворачивать войско и двигать батальоны, заставляя людей, не испытывающих ни к кому вражды, нападать на государства, не сделавшие ничего плохого?»

На привычные обвинения в том, что он упустил из виду хороших и добрых правителей, Пао отвечал, что государство само по себе есть насильственная эксплуатация слабого сильным. Система *сама по себе* является проблемой, и объектом

власти есть не благо народа, а контроль над ним и его ограбление. Нет такого правителя, достоинства которого могут сравниться с преимуществами отказа от правления.

Пао Цзин-янь выступил также как автор мастерского исследования в сфере политической психологии, показав, что само существование узаконенного государственного насилия провоцирует людей подражать насилию. В счастливом мире, в котором не будет государства, декларировал Пао, люди естественным образом будут обращаться к мыслям о порядке и не будут заинтересованы в том, чтобы ограбить своего соседа. Однако правители угнетают и грабят людей и «заставляют их трудиться без отдыха и отнимают у них вещи бесконечно». Таким образом, воровство и бандитизм стимулируются среди несчастных людей, а оружие и доспехи, предназначенные для умирения населения, похищаются бандитами для того, чтобы активизировать свой грабеж. «Все это имеет место, потому что существуют правители». Пао приходит к выводу, что во всеобщей идее о том, что сильное государство необходимо для наведения порядка среди людей, содержится серьезная ошибка, здесь причина перепутана со следствием.

Сыма Цянь

Единственным известным китайским мыслителем, взгляды которого имели непосредственное отношение экономической сфере, был знаменитый историк II века до н.э. Сыма Цянь (145–90 до н.э.). Цянь был сторонником *laissez-faire* и указывал на то, что минимальное государство способствует обилию еды и

одежды, равно как и воздержание правительства от конкуренции с частным предприятием. Это напоминает даосскую точку зрения, однако Цянь, человек мирской и изощренный, не принял идею о том, что люди могли бы разрешить экономические проблемы за счет сокращения желаний до минимума. Люди, настаивал Цянь, предпочитают лучшие и более доступные товары и услуги, а также легкость и комфорт. Поэтому люди привычно ищут богатства.

Поскольку Цянь мало задумывался о том, чтобы ограничивать свои желания, он был вынужден, в гораздо большей степени, чем даосы, исследовать и анализировать деятельность свободного рынка. Он поэтому видел, что специализация и разделение труда на рынке производства товаров и услуг весьма упорядочены:

«Каждому человеку только того и нужно, чтобы ему дали возможность применить свои способности и проявлять свои лучшие качества, дабы получить то, что он хочет ... Когда каждый человек работает по своей профессии и радуется своему делу, то и блага, подобно стекающей вниз воде, естественным образом без принуждения текут непрерывно днем и ночью, и люди производят товары, хотя их об этом и не просят».

Для Цяня это было естественным результатом свободного рынка. «Разве это не союз с разумом? Разве это не естественный результат?» Более того, цены на рынке регулируются, так как чрезмерно дешевые или дорогие цены, как правило, сами корректируются и устанавливаются на должном уровне.

Однако если свободный рынок саморегулируется, проницательно вопрошает Цянь, «Какая тогда нужда в правительственных директивах, в мобилизации рабочей силы или в периодических советах?» И действительно, какая в них нужда?

Также Сыма Цянь отметил важность для рынка предпринимательской функции. Предприниматель накапливает богатство и навыки, предвосхищая условия (т.е. прогнозируя) и действует в соответствии с ними. Иначе говоря, он зорко высматривает возможности, которые ему время от времени предоставляются.

Наконец, Цянь был одним из первых в мире теоретиков денежного обращения. Он отмечал, что увеличение количества монет и порча их государством обесценивает ценность денег и ведет к росту цен. И он видел, что государству внутренне присуще стремление осуществлять такого рода инфляцию и порчу монет.